

ЭПИКТЕТ

БЕСЕДЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821'01(38)

ББК 84(0)32

Э71

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с древнегреческого *Г. Таронян, В. Алексеева*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *Е. Фереца*

Эпиктет.

Э71 Беседы / Эпиктет ; [перевод с древнегреческого Г. Таронян, В. Алексеева]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-147252-8

Эпиктет, по примеру Сократа, только вслух излагал свои мысли, поэтому «Беседы» дошли до нас в записи его ученика, впоследствии прославленного историка Арриана. Его философия проповедует человеколюбие и чистоту души, отстаивает равенство всех людей.

Главная задача философии — научить различать то, что сделать в человеческих силах, а что нет. Изменению неподвластны внешний мир и внешние обстоятельства. Не вещи, а только представления о них делают людей счастливыми или несчастными. Нам подвластны мысли, стремления, а следовательно, и наше счастье.

УДК 821'01(38)

ББК 84(0)32

ISBN 978-5-17-147252-8

© Перевод. Г. Таронян, наследники, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2024

БЕСЕДЫ

КНИГА I

1. О том, что зависит от нас и что не зависит от нас

Среди всех способностей вы не найдете ни одной другой, которая была бы в состоянии исследовать самое себя, стало быть, которая была бы в состоянии одобрять или не одобрять. В какой лишь мере обладает возможностью исследования способность к грамоте? Лишь в той, чтобы распознать буквы. А способность к музыке? Лишь в той, чтобы распознать музыкальный звук. Так исследует ли какая-нибудь из них самое себя? Отнюдь. Вот когда ты пишешь что-то другу, то, какие буквы нужны, способность к грамоте скажет, а следует ли писать другу или не следует писать, способность к грамоте не скажет. Так же и способность к музыке — относительно музыкальных звуков, а следует ли петь сейчас и играть на кифаре или не следует ни петь, ни играть на кифаре, она не скажет. Какая же способность скажет? Та, которая исследует и самое себя и все остальное. А какая это? Способность разума. Только она одна получена нами постигающей как самое себя, — свою сущность, свои возможности, свою ценность, — так и все остальные способности. В самом деле, что иное говорит, что золото прекрас-

но? Ведь само оно не говорит. Ясно, что это говорит способность пользоваться представлениями. Что иное различает способность к музыке, способность к грамоте, остальные способности, одобряет пользование ими и указывает своевременность? Ничто иное.

Так вот, как и стоило того, боги сделали зависящим от нас только самое лучшее из всего и главенствующее — правильное пользование представлениями, а все остальное — не зависящим от нас. Потому ли, что они не хотели? Я думаю, что если бы они могли, они бы и все то предоставили в наше распоряжение. Но они никак не могли. В самом деле, поскольку мы находимся на земле и связаны таким телом и таким окружающим обществом, как было бы возможно, чтобы мы в этом не испытывали препятствий со стороны всего того, что относится к внешнему миру? А что говорит Зевс? «Эпиктет, если бы было возможно, я сделал бы и брненное тело твое и брненное имущество свободным и неподвластным препятствиям. Но в действительности, да не будет тебе неведомо, оно не есть твое, оно — брение, искусно замешенное. А поскольку этого я не мог, мы дали тебе некоторую часть нашу — эту способность влечься и не влечься, стремиться и избегать, словом, способность пользоваться представлениями, заботясь о которой и полагая в которой все свое, ты никогда не будешь испытывать помех, никогда не будешь испытывать препятствий, не будешь стенать, не будешь жаловаться, не будешь лстить никому. Что же? Разве этого, по-твоему, мало? — Ни в коем случае! — Так ты довольствуешься этим? — Я молю богов об этом».

Но в действительности, несмотря на то что в нашей возможности заботиться только об одном и привязываться только к одному, мы предпочитаем заботиться о многом и быть привязанными ко многому — к телу, имуществу, брату, другу, чаду, рабу. И поскольку мы привязаны ко многому, то нас все это обременяет и отвлекает. Поэтому, если плыть невозможно, мы сидим терзаясь и беспрестанно выглядываем: «Какой дует ветер?» — «Борей». Какое нам дело до него? «Когда подует Зефир?» Когда будет угодно ему, милейший, или Эолу. Не тебя ведь бог сделал распорядителем ветров, а Эола¹. «Как же быть?» Лучше устраивать то, что зависит от нас, а всем остальным пользоваться так, как оно есть по своей природе. «Как же оно есть по своей природе?» Как хочет бог. «Значит, чтобы сейчас отрубили голову только мне?» Что же, ты хотел бы, чтобы отрубили всем, к твоему утешению? Не хочешь ли ты подставить голову так, как какой-нибудь Латеран² в Риме, которого Нерон велел обезглавить? Он подставил голову, ему нанесли удар, и так как удар сам оказался слабым, он чуть сжался — и снова подставил ее. А еще раньше, когда явился Эпафродит³ и стал расспрашивать его о причине столкновения, он ответил: «Если я захочу сказать, то я скажу твоему господину».

— Чем же следует руководствоваться в таких вещах? — Да чем иным, как не знанием того, что мое и что не мое, что в моей возможности и что не в моей возможности? Я должен умереть. Так разве вместе с тем и стенать? Быть закованным. Разве вместе с тем и скорбеть? Быть изгнанным. Так разве кто-нибудь мешает мне вместе с тем смеяться,

не поникать духом, благоденствовать? «Открой тайну». — «Нет. Это ведь зависит от меня». — «Но я закую тебя». — «Человек, что ты говоришь? Меня? Ты закуешь мою ногу, а мою свободу воли⁴ и Зевс не может одолеть». — «Я брошу тебя в тюрьму». — «Бренное тело». — «Я обезглавлю тебя». — «Когда же я говорил тебе, что только моя голова неотрубается?»

Вот к чему следовало бы приучать себя занимающимся философией, вот о чем писать каждый день, вот в чем упражняться. Трасея⁵ говаривал: «По мне лучше казнь сегодня, чем изгнание завтра». Что же ему сказал Руф?⁶ «Если ты выбираешь это как более тяжелое, что за глупый выбор? А если как более легкое, кто тебе дал выбирать? Не хочешь ли ты приучать себя довольствоваться тем, что дано?»

Что ведь поэтому говорил Агриппин?⁷ «Сам я себе препятствий не создаю». Ему сообщают: «Тебя судят в сенате». — «Да будет судьба благосклонна! Однако уже пять часов⁸ (а в этот час он по своему обыкновению упражнялся и затем обмывался холодной водой), пойдем поупражняемся». Когда он кончил упражняться, пришли и сказали ему: «Ты осужден». — «На изгнание, — спрашивает он, — или на смерть?» — «На изгнание». — «А имущество что?» — «Не изъято». — «Позавтракаем, значит, в Ариции⁹».

Вот это и есть приучить себя к тому, к чему следует приучать себя: сделать стремление и избегание неподвластным помехам и не терпящим неудач. Я должен умереть. Если уже, я умираю, а если через некоторое время, сейчас я завтракаю, поскольку настал час завтрака, и вот тогда я умру. Как? Как подобает возвращающему чужое.

2. Как блюсти то, что к лицу, во всем

Для существа, обладающего разумом, невыносимо только неразумное, а разумное выносимо. Побой не невыносимы по своей природе. — Как это так? — Смотри, как: лакедемоняне претерпевают бичевание, убежденные в том, что это разумно¹. — А повеситься это не невыносимо? — Во всяком случае, когда кто-то убежден в том, что это разумно, он идет и вешается. Словом, если мы обратим внимание, то найдем, что ничто так не удручает существо, обладающее разумом, как неразумное, и наоборот, ничто так не привлекает его, как разумное. Однако разумное и неразумное у одного оказывается одним, у другого другим, так же как и благо и зло, полезное и не-полезное. Поэтому главным образом нам и нужно образование², чтобы мы научились применять общее понятие³ о разумном и неразумном к частным случаям согласно природе. А для суждения о разумном и неразумном каждый из нас исходит не только из ценностей того, что относится к внешнему миру, но и того, что каждому из нас к лицу. Ведь кому-то одному кажется разумным подавать ночной горшок, поскольку он только то имеет в виду, что если не подаст, то получит побои и не получит еды, а если подаст, то не претерпит ничего сурового или тягостного, а кому-то другому не только самому подать кажется невыносимым, но и стерпеть, когда другой подает. Так вот, если ты меня спросишь: «Подавать ли мне горшок или нет?», я скажу тебе, что получить еду ценится больше, чем не получить, и быть выдраным ценится меньше, чем не быть выдраным, так что, если ты меришь свое по этим меркам, иди подавай. — Но это было бы несообразно со мной. —

В этом ты сам должен разбираться, не я, потому что именно ты знаешь, сколько ты для себя стоишь и за сколько ты продаешь себя. Ведь одни продают по одной цене, другие — по другой. Поэтому Агриппин Флору⁴, раздумывавшему, следует ли выступить в зрелищах Нерона, чтобы и самому исполнить какую-то роль, сказал: «Выступи». А когда тот спросил: «Почему ты сам не выступаешь?», он ответил: «Я и не думаю». В самом деле, раз человек раздумывает о таких вещах, сопоставляя и рассчитывая ценности того, что относится к внешнему миру, значит, он близок к людям, забывшим о своем лице. О чем ведь ты меня спрашиваешь? «Смерть предпочтительнее или жизнь?» Я отвечаю: жизнь. «Страдание или удовольствие?» Я отвечаю: удовольствие. «Но если я не буду играть в трагедии, мне голову отрубят». Стало быть, иди и играй в трагедии, а я играть в трагедии не буду. «Почему?» Потому что ты сам считаешь себя одним каким-то утком среди утков туники. «Так что же?» Тебе было надо думать о том, как бы тебе быть подобным остальным людям, точно так же как и уток не хочет иметь ничего исключительного по сравнению с остальными утками. А я хочу быть пурпурной полосой, той небольшой и блистательной частью, благодаря которой и все остальное представляется великолепным и прекрасным⁵. Так что же ты мне говоришь: «Уподобься большинству»? Да как я тогда буду пурпурной полосой?

Все это знал и Приск Гельвидий⁶, и, зная, делал. Когда Веспасиан⁷ повелел ему, чтобы он не являлся в сенат, он ответил: «От тебя зависит не дозволить мне быть сенатором, но пока я буду им, я должен

являться». — «Ну являйся, — говорит тот, — но молчи». — «Не запрашивай моего мнения, и я буду молчать». — «Но я должен запросить мнение». — «А я — сказать то, что представляется справедливым». — «Но если ты скажешь, я убью тебя». — «Когда же я говорил тебе, что я бессмертен? И ты сделаешь то, что твое, и я — то, что мое. Твое — убить, мое — умереть без трепета. Твое — изгнать, мое — отправиться без печали». Какую же пользу принес Приск, один? А какую пользу приносит пурпурная полоса тоге? Да какую иную, как не ту, что блистает на ней пурпурной полосой и для всего остального служит прекрасным примером? А другой, если бы при таких обстоятельствах цезарь⁸ воспретил ему являться в сенат, сказал бы: «Благодарю за то, что щадишь меня». Такому цезарь и не стал бы запрещать являться, зная, что он или будет сидеть, как глиняный кувшин, или, если будет говорить, скажет то, что, как он знает, угодно цезарю, и даже присовокупит к этому еще больше.

Так и один атлет, которому угрожала смерть, если он не даст отсечь себе срамную часть, когда пришел к нему брат (а был он философ) и сказал: «Ну, брат, что ты намерен делать? Отсечем эту часть, и будем еще в гимнасий ходить?», не склонился, но стойко выдержал и умер.

А когда кто-то спросил: «Как он сделал это? Как атлет или как философ?», — Как мужчина, — сказал он, — но мужчина, провозглашенный победителем на Олимпийских играх и состязавшийся в них, в таких местах проводивший свою жизнь, а не у Бата⁹ умащавшийся. А другой бы даже голову дал себе отрубить, если бы мог жить без головы. Вот что та-

кое «к лицу». Так это сильно в тех, кто привык сообразовываться с этим. «Ну-ка, Эпиктет, обрейся». Если я философ, то я говорю: «Не обреюсь»¹⁰. — «Но я голову тебе снесу». — «Если для тебя лучше, снеси».

Кто-то спросил: «Как же каждому из нас осознавать то, что к лицу ему?» — А как бык, — сказал он, — при нападении льва один осознает свою подготовленность и бросается вперед в защиту всего стада? Не ясно ли, что сразу вместе с подготовленностью появляется и осознание ее? Стало быть, и всякий из нас, у кого будет такая подготовленность, непременно будет осознавать ее. А сразу вдруг быком не становятся, как и благородным человеком, нет, нужно пройти суровую закалку, подготовиться и не браться необдуманно за ничуть не подобающее.

Только обдумай, за сколько ты продаешь свою свободу воли, человек. Во всяком случае, не продавай ее дешево. А великое и исключительное подобает, пожалуй, другим — Сократу и таким, как он. — Почему же, если мы по природе рождены для этого, не все или не многие становятся такими? — Разве кони все становятся быстроногими, разве собаки все — охотничьими? Что же, раз я не одаренный, значит, мне из-за этого отказаться от заботы? Ни в коем случае! Эпиктет лучше Сократа не будет. Но если не хуже¹¹, этого мне достаточно. Ведь я не буду и Милоном¹², и все же я не оставляю без заботы свое тело. Не буду и Крёзом, и все же не оставляю без заботы свое имущество. Словом, мы не отказываемся от заботы о чем бы то ни было из-за того, что не надеемся достичь вершины.

3. К каким можно прийти следствиям, исходя из того, что бог — отец людей

Если бы люди могли усвоить себе по достоинству это мнение, что мы рождены богом все как имеющие главное значение¹ и что бог — отец и людей и богов, то я думаю, что в их мыслях о себе не было бы ничего неблагородного и низкого. Но нет, если усыновит тебя цезарь, то никто не выдержит твоего высокомерного взгляда. А если ты узнаешь, что ты сын Зевса, разве ты не преисполнишься гордости? Однако этого мы не делаем, но поскольку в рождении нашем смешаны две эти сущности — тело, что представляет в нас общность с животными, и разум и мысль, что представляет в нас общность с богами, то одни склоняются к тому родству, несчастному и мертвому, а лишь немногие к божественному и блаженному. Стало быть, поскольку всякий неизбежно относится ко всему в соответствии с принятым им мнением о том, у тех немногих, которые считают себя рожденными для честности, для совести, для верного пользования представлениями, нет в мыслях о себе ничего низкого и неблагородного, а у большинства — наоборот. «Да что я такое? Несчастный человечиска!» да «Жалкая моя брэнная плоть!». Она действительно жалкая, но у тебя есть нечто и лучше брэнной плоти. Так что же ты, оставив то, прилип к ней? Из-за этого родства, склоняясь к нему, одни из нас становятся подобными волкам, бесчестными, коварными, вредными, другие — подобными львам, дикими, хищными, свирепыми, а большинство из нас — лисицами и сколько ни есть среди животных несчастными тварями. В самом деле, что такое хулящий и зло-

нравный человек, как не лисица или какая-нибудь другая более несчастная и низкая тварь? Так смотрите же, остерегайтесь оказаться какой-нибудь из этих несчастных тварей.

4. О совершенствовании

Совершенствующийся¹, научившись у философов тому, что стремление бывает к благу, а избегание — по отношению к злу, да еще научившись тому, что благоденствие и неподверженность страстям достигаются человеком только тогда, когда в стремлении он не станет терпеть неуспеха, а в избегании не станет терпеть неудачи, стремление подавляет в себе вовсе и откладывает до другого времени, а избеганием пользуется только по отношению к тому, что зависит от свободы воли. Ведь если он станет избегать чего-то того, что не зависит от свободы воли, он знает, что когда-то в чем-то потерпит неудачу, вопреки своему избеганию, и будет несчастен. Но если назначение добродетели заключается в том, чтобы привести к счастью, к неподверженности страстям и к благоденствию, то непременно и совершенствование в продвижении к ней есть совершенствование в продвижении к каждому из этих состояний. Ведь всегда, к чему бы решительно ни приводило совершенство в чем-то, совершенствование есть приближение к тому.

Так как же добродетель мы признаем чем-то таким, а совершенствование ищем и показываем в ином? Что есть дело добродетели? Благоденствие. Так кто же совершенствуется? Прочитавший уйма сочинений Хрисиппа?² Неужели добродетель заклю-

чается в том, чтобы постичь Хрисиппа? Ведь если она заключается в этом, то соответственно совершенствование заключается не в чем ином, как в том, чтобы постигать уйму сочинений Хрисиппа. Но в действительности мы признаём, что добродетель приводит к чему-то одному, а приближение, то есть совершенствование, заявляем мы, — к иному. «Он, — говорит, — уже и самостоятельно может читать Хрисиппа». Прекрасно, клянусь богами, совершенствуешься ты, человек! Какое совершенствование! «Что ты потешаешься над ним?» А что ты уводишь его от осознания своих зол? Не хочешь ли ты показать ему дело добродетели, чтобы он узнал, где ему искать совершенствование? Там ищи его, несчастный, где твое дело. А где твое дело? В стремлении и избегании, чтобы ты был не терпящим неуспехов и не терпящим неудач, во влечениях и невлечениях, чтобы ты был не совершающим ошибок, в согласии и воздерживании от суждения, чтобы ты был не впадающим в заблуждение. А первые вопросы³ суть первые и необходимейшие. Если же того, чтобы быть не терпящим неудач, ты ищешь трепеща и сокрушаясь, совершенствуешься ли ты как-то? Так вот, ты здесь покажи мне свое совершенствование. А то как если бы я разговаривал с атлетом: «Покажи мне плечи», — а он бы на это: «Посмотри на мои гири». Смотри сам со своими гирями! Я хочу увидеть воплощение действия гирь. «Возьми сочинение “О влечении” и узнай, как я прочитал его». Рабское ты существо, не это я ищу, а как ты влечешься и не влечешься, как ты стремишься и избегаешь, как ты намереваешься, ставишь перед собой цели и подготавливаешься, согласно ли природе или несогласно.